

Был счастлив я очень.
Любил. Был любим.
Но тихую ночью
Рыдал, чуя дым
Далёких пожарищ.
Грядущей войны,
Где жизнью заплатишь
За миг тишины.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Ещё не прибрано в душе,
Хоть мне в укор прозрачны дали,
И осень, генерал-аншеф,
Наводит лоск на эполеты и медали.
Грозит с инспекцией прийти,
В своих штабах изрядно наскучавшись,
Чтобы налить нам щедро по пути
Дождей намоленные чаши.
Ну а пока, подсолнух перезрелый,
Светило наше сеет щедро
Свои тяжёлые лучи, —
Поэт, твоё настало дело:
Пиши, до времени молчи,
Пока стихов не взбухнут недра!

Жёлтыми утками на воде —
Усталые листья каштанов.
Об осени, как об общей беде,
Думаю я непрестанно.
Ах, Лира, Денеб, Альтаир,
Ваш треугольник — как клин журавлиный,
И Пушкин осенний зачитан до дыр
Меж клёнов горящих и свечек-осинок.
Но зиму пока ещё рано встречать
И рифмы рядить её камуфляжем.
С листьями я отправляюсь гулять
По паркам пустым и по пляжам.

ВРЕМЯ

Делится время:
«До», «Сейчас» и «Потом».
Делится время:
Три волны за бортом. —
«До» убегает, «Сейчас» набегает. —
Ну, а «Потом»? — Вон, та высота. —
Надо заняться починкой борта!

НАД ПОСЛЕДНЕЙ КНИГОЙ РАИСЫ ИПАТОВОЙ

1

Я листаю, листаю, листаю...
Я летаю, летаю, летаю:
С высоты видней — ты жива,
Так свежи, так прекрасны слова!

Что ж, живи. Ничего не итожь.
Дверь открыта, и сердце тож. —
Потому всегда заходи.
У тебя теперь всё впереди!

— Здравствуй, Чудо!
 Ты откуда?
 Ты откуда и куда,
 Слов прозрачная вода?
 — Я бегу с горы высокой.
 Смотрит там небесно око,

Как живут-текут слова,
 Вот бегу, дыша едва.
 Может, кто-то и прочтёт,
 Иль ручей мой перейдёт...

ОКНА

Стоят дома. И окна смотрят
 На нас, несущихся — мельком.
 Зимы белила, осени ли охра,
 Или весны и лета зелень с ветерком...
 Но знаю, что на свете нет печальней,
 Внимательнее этих мудрых глаз. —
 Так матери глядели изначально
 На только что родившихся — на нас;
 На нас, добившихся успеха,
 Поднявшихся до самых до небес.
 Высматривали тех, кто не приехал,
 Кого уж нет, кого попутал бес...
 Рыдали окна от войны и от пожаров,
 От свадеб неудачных и от похорон,
 От голода, когда земля лишь боль рожала.
 Вы для меня — подобие икон
 В киотах пыли и дождей ненастных,
 В наличниках, как женщины в платках.
 В любой ночи на свет ваш ясный
 Идём, летим — кто по земле, кто в облаках.

ИВА

Игриво ива извивала ветвь,
ведя к воде свои извивы,
нацелившись в зеркале разглядеть
беду девичью: да, красива,
да, столько соткано стихов,
да, в зорях отзвенело столько песен!
Но вот итог у нас каков? —
Ты, ива, счастлива? — Ах, если б!

* * *

Я — старый ветер, знающий в лицо
Младые облака, летящие беспечно.
Я — поздний путник, восходящий на крыльцо.
Я — звук неясный из забытой речи.
И жизнь давно уж обрела свой смысл,
Который мне и добрым людям ведом. —
И он не в том, что след свой проторили мы,
А в том, чтоб кто-нибудь пошёл по следу.

* * *

Стало трудно ходить — летай.
Стало трудно летать — плыви.
А приплыл — не спеши умирать,
Подожди, подыши, поживи!

ГОРОД

Твой город там, где ты не одинок —
Совсем не там, где башни или стены.
Твой город там, где каждый уголок
Теплом друзей свою измерил цену.
Твой город там, где памяти твоей
Есть где бродить и где остановиться...
Понять, что город создан из людей —
Не из камней, стекла и черепицы!

КЕМ РОДИТЬСЯ, ИЛИ О ЕДИНСТВЕ ВСЕГО СУЩЕГО

Бог решал, кем мне родиться:
Журавлём или синицей;
Негритёнком, китайчонком,
Мальчуганом иль девчонкой;
Змейкой, рыбой или крабом;
Лопухом иль баобабом;
Мухой, тигром, скарабеем;
Стингом, Кассиусом Клэем;
Злым уродцем, доброй девой,
Иль английской королевой!

БУКВЫ И ПОЧЕРКИ

Исчезли почерки, забыты буковки,
Которым нас детсад и первый класс
Учили к праздникам, учили буднями,
И по которым, как в лицо, все знали нас.
Теперь печатаем... Стрекочут клавиши.
Повсюду электронное кольцо.
Утерян навсегда наш навык давешний:
Все электроны – на одно лицо!

ДОМ

Как скучен дом без скрипа половиц,
Без хлопанья дверей и крыльев птиц,
Без муравьёв и без мышей,
Без визга резвых малышей,
Без стёкол вдрызг и без кривой трубы,
Ну а ремонту – если б, да кабы...
Я у друзей гостил, бежал потом:
Я видел чистый, мёртвый дом!

* * *

Мои давние, дымные, дружные,
Час-другой на сон — поезда.
Чаще восточные, реже — южные.
И все живы мы были тогда.
Молочком пахли дали вечерние,
И стелился дымок голубой.
Каждый третий был виночерпием,
А «домой» означало «домой».
Но веселью Россия не верила,
Как игрушкам порой детвора.
Поездами все дали измерила:
Вот: сегодня — завтра — вчера...

* * *

Нет ничего страшней погасших звёзд.
Черней нет дыр на месте их сиянья.
(И лишь комет павлиний хвост
Чуть оживляет бездну мироздания).

КОЛОДЕЦ

В тот кладезь слов, что нам достался от великих,
Я с боязливym обожанием смотрю:
Не замутишь бы влаги чистой блики,
Не разменять бы бриллианты по рублю!

* * *

Пишут, пишут о поэте
И пугают нас порой
Знаньем о его рассвете
И о том, где был герой.
Но поэт о том не знает,
Не читает — вновь рассвет!
Лист, как чёлн, в волнах мелькает
И, как парус, замыкает
За собою зыбкий след...